

83, 3P1

М

М. П. ЧЕХОВА

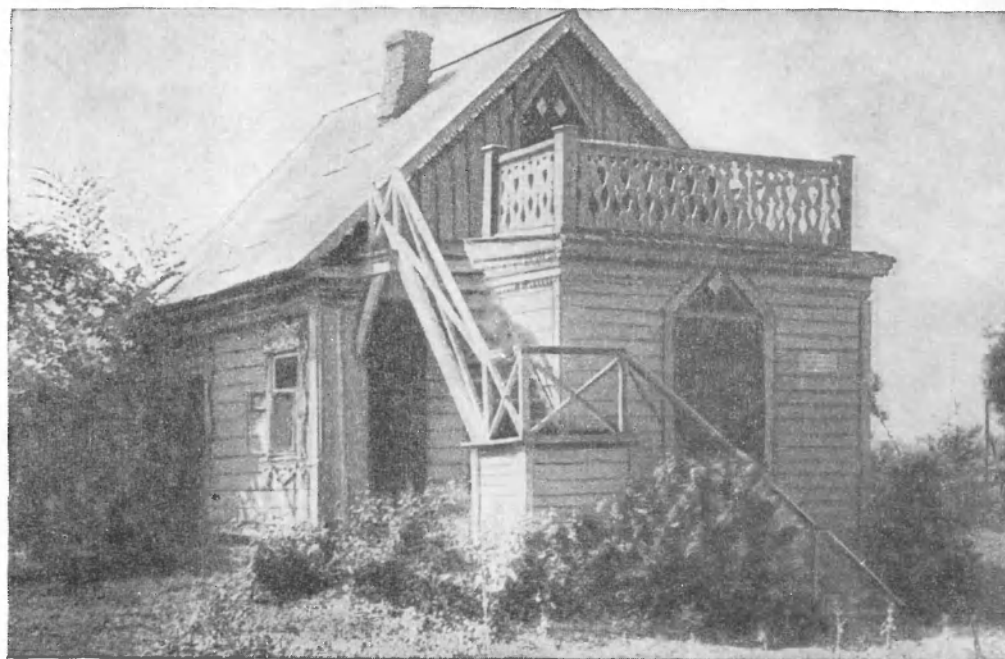

M. Texaly

А. П. ЧЕХОВ.
1888 г.

*Флигель в мелиховской усадьбе. Здесь в 1895 г. А. П. Чехов
писал «Чайку».*

М. П. ЧЕХОВА.
1896 г.

*А. П. Чехов и О. Л. Книппер-Чехова в санатории Аксеново,
Уфимской губ.
1901 г.*

*А. П. и М. П. Чеховы у парадного входа ялтинского дома.
1902 г.*

А. П. Чехов в кругу семьи. Слева направо: мать Евгения Яковлевна, сестра Мария Павловна, жена Ольга Леонардовна. Ялта. 1902 г.

М. П. ЧЕХОВА И О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА.

1958 г.

4 августа 1877, Москва.

Милый братец Антоша! Извини меня, что я тебе не пишу, потому что у меня мало времени. Я готовлюсь теперь в Филаретовский пансион, 11-го держать экзамен. Помолись, чтобы я выдержала экзамен. Я за тобой соскучилась.

Остаюсь твоя сестра *Мария Чехова*.

Летом 1876 года после разорения отца наша семья переехала в Москву. Антон Павлович остался в Таганроге, чтобы продолжать учиться в гимназии. На свое существование он зарабатывал там уроками. Мы в Москве жили очень бедно. Первый учебный год я пропустила, не училась, так как не было денег платить за мое ученье в гимназии. Лишь на другой год я поступила учиться в Московское Филаретовское епархиальное училище, когда один из старых таганрогских знакомых отца, купец Сабинников, увидав бедственное положение нашей семьи, решил помочь нам и согласился платить за мое обучение.

21 декабря 1897, Мелихово.

У меня, дорогой Антоша, было очень много дел и так много, что я положительно не имела времени написать тебе хотя немного. Теперь я, наконец, приехала совсем на праздники домой, накупивши тьму-тьмушую разных вещей и истративши массу денег.

Все твои поручения исполнены. Премии страховые уплачены, движимость перестрахована на половину меньше, т. е. за 2000 руб. На «Ниву» подписалась. Подарки школьникам купила и, кажется, очень удачно. Их теперь гораздо больше прошлогоднего — 83 человека. Мальчиков — 63 и девочек — 20. Учитель не посоветовал покупать валенок, потому что все запаслись ими еще осенью. Я съездила на фабрику Гюбнера и купила там три с лишним штуки хорошего розового ситца, каждому мальчику дадим на рубашку и девочкам по очень хорошему красному платку. Платки я тоже купила на фабрике у Гюбнера, и они настолько интересны, что я сама с удовольствием бы надела. Ситец обошелся по 9 коп. за аршин и каждый платок по 20 к. Ситцу идет на рубашку для мальчика 3 арш. Учитель доволен подарками. Он говорит, что еще никогда ни в одной школе не было таких хороших подарков. Ваня тоже одобрил. О впечатлении учеников я напишу¹.

Зензинова у меня не была, она заболела, простудившись в дороге, и потому посылку прислала с прислугой. Мы перекинулись очень любезными письмами. У нас есть общий знакомый — учитель из гимназии Ржевской. Я попросила его побывать там, что он с удовольствием и сделал. Принес мне подробные известия о твоём знакомстве с Зензиновой и о том, что она в восторге от тебя².

Лаек, быть может, снимет Серегин³, который хотел быть на праздниках у нас. Получены от тебя следующие вещи: 2 словаря — один красный, другой серый, 2 № журнала, твоя фотография, из которой видно, что ты пополнел. В зензиновской посылке были следующие предметы: 3 альманаха, лупа, штопор, две щетки, красивый башмачок для вытирания перьев — я поставила его у тебя на столе. Ручка для Романа и пакет с надписью

«положить у меня на столе». Марки Дроздова получила, я привезла ее с собой на все праздники.

За декабрь деньги получила из магазина «Нового времени» и твое длинное, но очень узкое письмо получила тоже.

Левитан мне сказал, что ты едешь в Алжир. Правда ли? И когда? Говорят, в Ницце в марте отвратительная погода.

Ли́ка заложила землю⁴ и вместо пения открывает теперь модную мастерскую. Я страшно против этого — мне даже жутко становится, когда она говорит об этом. Но ее друзья, как-то Варя, Шаляпина и пр., советуют ей, конечно не зная ее характера. Она сразу вообразит себя Войткевич или Ламановой⁵ и потратит все деньги, тогда что она будет делать! Чтобы быть хорошей портнихой, надо знать дело это с детства.

Будь здоров, пиши почаще.

Маша.

Поздравляю тебя с праздником. У нас без тебя будет скучно. Миша и Ваня, должно быть, не приедут. Ли́ка, конечно, тоже не приедет. 3 и 4 №№ словаря Бракагуза нет, всех №№ 40.

18 марта 1898, Москва.

Деньги за март получила. Думала купить лошадь, старалась, но ничего из этого не вышло. Положительно не умею выбирать, а лошадь нам необходима. Мальчик никуда не годится, стал очень стар, его давно уже не запрягали. У нас так холодно, как в январе. Вчера утром было — 13°. Когда я ехала в Москву, снег хрустел и дорога чудная. Повидимому, весна в нынешнем году будет поздно. Получила от тебя три письма — от 4, 10 и 13 марта. Впрочем, еще одно — с Потапенкой и Южиным. Кланяйся Потапенке и скажи ему, что его «Козодой» мне нравится и что я ему все-таки буду говорить «ты»¹.

По случаю холода парники еще не набивала. Барсков, редактор «Детского отдыха», просит у меня твоего портрета из Ниццы, чтобы перепечатать и поместить в журнале. Я привезла портрет, отдам его в «Детский отдел». Как ты на это посмотришь?² Насчет деревьев у пруда надо подумать. Про то, что мне надо для живописи, я написала Хотьинцевой. Когда ты будешь ехать через Париж, то она тебе скажет, что мне нужно. Из парфюмерии опять того же — я очень довольна. Конечно, Crème Simon и Gelle freres — это здесь очень дорого. Ване и прочим подарки передала. Гвая-колу куплю.

Будь счастлив и здоров.

Твоя Маша.

Сохрани и привези модные журналы «Нивы». Без них плохо.

¹ В свое время я была очень дружна с Игнатием Николаевичем, мы были с ним на «ты», но после его неблаговидного поступка по отношению к Лике я стала с ним держаться официально и перестала говорить ему «ты». Теперь, должно быть, за давностью времени «сменила гнев на милость».

² Антон Павлович очень не любил, когда помещались в журналах его портреты, и на этот раз он так ответил мне: «Милая Маша, напиши поскорее Барскову, что я сочту за личное для себя одолжение, если он откажется от намерения напечатать мой портрет в своем журнале... Пожалуйста, как-нибудь постарайся, сделай так, чтобы в «Детском отдыхе» не было моего портрета. Прошу о сем слезно».

18 декабря 1898, Москва.

Вчера шла твоя «Чайка». Поставлена она прекрасно. Первое действие прошло вполне понятно и интересно. Актрису, мать Треплева, играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливая удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать. Доктор, Треплев, учитель и Маша были превосходны. Не особенно мне понравились Тригорин и сама Чайка. Тригорина играл Станиславский вяло, а Чайку — плохая актриса, но в общем поставлена так жизненно, что положительно забываешь, что это сцена. В театре была тишина, слушали внимательно.

После первого акта стали вызывать тебя, и когда Немирович объявил, что тебя в театре нет, то все, особенно в партере, закричали: «Так надо ему послать телеграмму». После третьего действия опять шум и овации артистам и вызовы автора. Тогда Немирович произнес: «В таком случае позвольте мне послать автору телеграмму». Из публики: «Просим, просим».

Знакомых было очень много, я немного волновалась, но было весело, все поздравляли с успехом, говорили приятные слова по твоему адресу и т. д. В публике ходили два Иуды: Лавров и Ремезов¹. Не лежит мое сердце к ним! Я положительно мучилась, когда Лавров держал меня почти четверть часа, говоря что-то подсахаренное.

Немирович прислал мне ложу бенуара. Сидела я, Соня, Ваня и Хотяинцева. Я хотела пригласить Левитана, но он опять болен, у него инфлуэнца. Из театра Коновицеры повезли меня ужинать в Эрмитаж, и там Ефим не мог удержаться, чтобы не послать тебе телеграммы. Машечка Южина тебе кланяется.

Сегодня у Мюра купила чайных чашек шесть, сахарницу, чайник, молочник, $\frac{1}{2}$ дюжины ножей и вилок, полоскательную чашку и поднос для самовара — все это привезет тебе Ваня. Самовар тоже привезет². Дело вот в чем: по приезде в Москву, пока починяли наш старый самовар, я купила новый, и вот его повезут в Кучукой с прочими вещами. 2 кровати Мюр пошлет наложным

платежом малой скоростью. Кажется, будет стоить недорого, я узнаю об этом во вторник, говорят — 40 коп. пуд. Вот тогда многое можно будет послать. Купила еще тебе шапку и картуз за наличные, Ваня привезет. Сорочку мать сшила, жилетки вышли, как новые, и это Ваня привезет.

Вчера днем приезжала Аша в карете с лакеем. Сидела часа три, все хохотала и хрипела. Завтра заедет за мной в час дня, чтобы отправиться на франко-русскую выставку картин. Привезла она твою рубашку; починить ее очень трудно, там зашьешь — порвется в другом месте. Но все-таки попробуем. Я из Мелихова привезу подобную же, и сделаем заплаты. Вот, если бы ты купил такого же материала, как мать сшила тебе новую рубашку, что мы с тобой купили в Ялте, — прочно и хорошо, моется недурно.

Ты Ване ничего не поручай покупать, он говорит, что ему некогда, и действительно он очень занят, и притом не добьешься от него ничего определенного, не знаю до сих пор, когда он выезжает!

Мамаша все еще покашливает, но ей значительно лучше. Я совсем здорова и не кашляю. Каждый день где-нибудь бываю или у меня кто-нибудь. Живется приятно. Уже последний год надо провести как следует! Встаю поздно, потом гуляю, встречаюсь на Петровке со знакомыми и вечером или в гостях, или в театре. Одним словом, веду светскую жизнь.

Купчиха была на твоей пьесе, сидела во втором ряду. Я как увидела ее там, так и покатила со смеху. Ваня тоже смеялся, они познакомились, и разговаривать с ней было очень приятно, весело. Все собираюсь к ней, да мало времени, на всех не хватает. Будь здоров. Тебе кланяется мать и просит тебя писать ей отдельно.

Твоя Маша.

22 января 1899, Москва.

Милый Антоша, наконец-то ты опять стал писать мне. Я получила от тебя два письма, закрытое и открытое. Мы живем ничего себе, только гости одолели. Писательница уехала, оставивши мне в наследство m-me Дарскую с мужем¹. На твоих именинах у нас было очень много гостей, не хватало ножей и тарелок. Пирог был вкусный. Были Лавров с супругой. Я тебе не завидую, конечно, их общество весьма скучно!

Я была бы бесконечно рада, если бы могла помочь тебе в твоих книжных делах. Мне кажется, это было бы для меня совсем нетрудно. Не гений же Софья Андреевна Толстая? Своим урокам я никогда особенного значения не придавала, а имела и имею их только для самостоятельности. С осени я возьму отпуск из Округа на год, и если не сумею вести твои дела, то опять займусь уроками, кстати за это время устроимся в Ялте. Ведь дела будет много с переездом!

Вот моя просьба: пожалуйста, не отдавай дешево Марксу твоих сочинений. Теперь ты стал очень популярен, прямо знаменитостью, только и говорят, что о тебе. Теперь ты можешь не завидовать Южину! Напиши, сколько дает тебе Маркс? Как-то у Немировичей Сергеенко таинственно отводил меня в сторону и предлагал свои услуги для переговоров о твоих делах с Марксом. Так как я считала неудобным вмешиваться в эти дела, то и не написала тебе об этом. Но запомнила слова Сергеенко, что «Антон должен просить 100 тысяч». Сто не сто, а все-таки ты знай цену своим произведениям. Конечно, гораздо лучше бы совсем не продавать. Впрочем, это твое дело, ты сам лучше знаешь².

Была на представлении «Чайки». Сидела в оркестре. Сбор полный, на 9 представлений уже билеты проданы. Роксанова в трех действиях хороша, но в последнем плохо. Доктор, Сорин и Книппер попрежнему восхитительны. Смотрела и слушала я пьесу с удовольствием. Пойду еще.

Сегодня приезжает учительница Мария Федоровна из Мелихова. Мне не хотелось ехать самой, а учительнице доставляет удовольствие. Жалованье и распоряжение я пошлю с ней. Будь здоров.

Маша.

Была на генеральной репетиции «Бориса Годунова» в Большом театре. Кроме Федотовой, все играют плохо, даже Южин³. Кланяйся начальнице.

Тянет меня в Художественный театр, но всегда так полно, что стыдно просить места, хотя все знакомые артисты умоляют приходить во всякое время и обещают приставной стул. Не видела «Потонувшего колокола»⁴.

5 февраля 1899, Москва.

Милый Антоша, твоего Лескова я познакомила с Вишневым и Дарским, теперь от него зависит попасть на сцену. Желания своего поступить на сцену он не скрывает¹. Твое поручение я передала Дарским. Ольга Михайловна тебе напишет, ибо решить сразу они не могут².

Была я вчера в третий раз на «Чайке». Смотрела еще с большим удовольствием, чем в первый и во второй разы. Очень, очень хорошо играли, даже Роксанова была хороша. Вишневский был у нас недавно в гостях, пригласил меня на сцену и перезнакомил со всеми артистами. Если бы ты знал, как они обрадовались! Книппер запрыгала, я передала ей поклон от тебя. Алексева, которая играет Машу, просила передать тебе, что лучше по ней ты роли не мог написать, она тебя очень благодарит. Кланяются все тебе. С какой любовью они играют твою «Чайку»!! Была Федотова, плакала все время и говорила: «Передайте ему, голубчику, что старуха очарована пьесой и шлет ему глубокий поклон». При этом она мне поклонилась очень низко. В каждом антракте она требовала меня к себе и все плакала...

Был Южин, но он ничего не сказал. Я от души пожалела, что ты не можешь посмотреть свою пьесу при такой художественной игре, хотя Немирович говорит, что еще лучше можно сыграть! Я вчера наслаждалась четвертым действием. Его удивительно заканчивает Вишневский³.

В Мелихове я не бываю совсем, и всю почту присылает мне почтмейстер. Сельскохозяйственных листков я еще не получала. То, что приносит цоцкий⁴, привозит мне Мария Федоровна. Если получу — пришло. Не еду я в

Мелихово с целью, чтобы не разговаривать с мужиками, особенно бездетными — все требуют на чай и ворчат. Без меня они покойно перевозят весь лес. Был сегодня утром у меня опять Егорышев, просил позволения начать рубить сруб с 15-го числа сего месяца. Я разрешила. К пасхе они срубят, на пасху же уедут на две недели. Рамы и двери уже готовы. А концерта все еще не было. Теперь хлопочу в Охотничьем клубе устроить спектакль. Не знаю, удастся ли?

Я тебе советую поухаживать за Книппер. По-моему, она очень интересна.

Мать здорова, начала ходить к Лармэ⁴. Кундасова ходит каждый день. Будь здоров, не скучай.

Твоя *Маша*.

Те твои письма, на которых штемпель «Батум», приходят очень поздно. Твое письмо насчет Дарских я получила гораздо позднее письма о Лескове.

21 мая 1901, Ялта.

Дорогой Антоша, если бы ты знал, как хорошо теперь у нас! Я не узнала сада! Поливаем каждый день, вода пока есть. Розы цветут великолепно, я начала ухаживать за ними. В доме чисто, сухо, прохладно. Завтра буду убирать твой кабинет. Маша приехала.

Бродим мы с матерью по большому дому целый день и чувствуем обе какую-то пустоту без тебя, чувствуем, как будто не дома. Если бы ты поскорее приезжал или по крайней мере писал почаще! Напиши, что сказал тебе доктор. Поедешь ли на кумыс? И когда? ¹ Как дело насчет Горького? ² Не забудь же написать, пожалуйста.

Завтра Елпатьевский придет лечить меня, я совсем охрипла. Куприн был один раз, очень потолстел, но одет шикарно, мать уверяет, что его одели m-me Бонье и Ольга Михайловна! ³ Как поправлюсь, так поеду в Гурзуф. В Ялте уже начали купаться.

Будь здоров, постарайся хорошенько поправиться на кумысе. Все здоровы.

Твоя Маша.

12 июня, 1904, Ялта.

Дорогой Антоша, слава богу, что ты поправляешься. Я получила сегодня твое письмо из Берлина. Все радуемся и сразу повеселели¹. Положительно долго не было известий, но спасибо Вишневному — он прислал ту телеграмму, которую получил от вас из Берлина.

Ваня приехал один. Мы плакали, когда он рассказывал про твою болезнь и про то, что он не мог спать ночи — ему все представлялся твой болезненный образ, он потому и не ехал, все ждал, когда тебе будет лучше. Говорит, что стеснялся тебя часто беспокоить, бродил около дома и заходил справляться о тебе. Вообще страшно и тяжело было!

13 июня. Ты будешь доволен, милый Антоша, я почти кончаю ремонт канализации. Нечего говорить, трудно было и довольно продолжительно. Уже две недели, как идут работы. Расходы у меня порядочные, много непредвиденных. Если пришлешь денег, будет хорошо, но пока еще немного есть. На себя расходует очень мало.

14 июня. Сегодня еще получила от тебя письмо из Берлина. Что сказала знаменитость насчет твоей болезни?² Напиши. Отчего у тебя одышка? Не писала потому, что ждала точного адреса, хотя в Badenweiler уже давно послала открытку. Письма из Берлина идут шесть дней. Для тебя есть два письма от Лазаревского из Владивостока, оба заказные, и письмо из действующей армии без марки³. Письма Лазаревского вскрою и пришлю заказным вместе с военным письмом. Читать их не буду.

Погода у нас великолепная, море тихое. Вчера с Ваней и с Жоржем ездила в Гурзуф, очень там хорошо и тихо. Ваня будет жить в Гурзуфе. Когда получишь это мое письмо — напиши, чтобы я знала, что мои письма доходят. У нас в доме и во дворе все благополучно, все кланяются и желают полного выздоровления. Зацвели гвоздики, и поспели крыжовник и смородина. Дождя давно не было. В следующем письме напишу насчет водопровода. Будь же здоров и спокоен. Целую тебя.

Твоя Маша.

26 июня 1904, Ялта.

Дорогой Антоша, последнее письмо от тебя было от 16-го июня, и с тех пор нет писем. Тревожно, не захворал ли ты опять? Хотим завтра с Ваней выехать на пароходе в Батум и обратно, останавливаясь по берегу. Жорж делает мне скидку 50%. Но если завтра не получу от тебя письма, то отложу поездку. Дома все благополучно, если не считать абсолютной лени Арсения. Он ничего не делает, часто уходит из дому, франтовато одетый, говорят, он влюблен.

Васильева¹ прислала в письме к мамаше тебе записку следующего содержания: «Глуб. ув. А. П., мне случилось в здешней русской библиотеке прочесть о Вашем рассказе «Невеста». Мне очень хотелось бы узнать, где я могу его прочесть, а также и «Вишневый сад», которого я до сих пор не знаю. Помня Вашу доброту, обращаюсь к Вам. Всегда готовая к услугам, О. Васильева». Письмо получено из Женевы.

Ваня очень тоскует, у них с Соней² вышла неприятность из-за теток, которые не пустили Соню в Крым. Она уехала с Володей в Никитино.

Жорж тебе кланяется и собирается написать, вчера взял адрес. Сообщай чаще о своем здоровье открытками, если затруднительно писать письма, все будет спокойнее. Будь же здоров, желаю тебе всего хорошего. Привет Оле.

Твоя Машиа.

Дождя все нет, жарко.

28 июня 1904, Ялта.

Сегодня получила деньги и отправила тебе 800 рублей. Действительно, ты написал «июля», и если бы не открытка, которую я получила утром, то, пожалуй, была бы задержка. Исправить пришлось самой, Вани не было дома. Форточку сделаю непременно. Марки все будут целы!

Будь же здоров, милый Антоша, постарайся не кашлять и побольше кушай, набирайся сил и приезжай домой. Как твой желудок? Нынче небо заволкло тучками,

но дождя не было, жара тоже спала, очень приятная погода, а утром было очень жарко, когда я ходила на почту.

Может быть, завтра решусь с Ваней поехать на Кавказ, если будет тихо. С дороги напишу. Уплатила за телефон 37 р. 50 к. Все кланяются. Целую тебя.

Твоя *Маша*.

О получении денег извести.

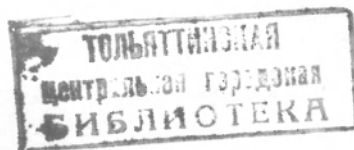
8Р,
4-56

М. П. ЧЕХОВА

83.3 P1

**П И С Ь М А
К Б Р А Т У
А. П. Ч Е Х О В У**

56575

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954

84